

ШЕСТИДЕСЯТНИКАМ УЖЕ ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ

Труд. — 1995. — 14 сент. — с. 5

Беседа в мастерской

Олег ИВАНОВ — журналист, искусствовед, автор статей и книг, член директрата Третьяковской галереи.

Юрий ЧЕРНОВ — народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств, многолетний секретарь правления Союза художников СССР, а к тому же его друг. Как-то они встретились в мастерской, и искусствовед включил диктофон...

— Однажды вы сделали мне подарок к юбилею: бронзовую скульптуру, на видном месте которой было прорезано: «Уже 60». Вам «уже» или только «еще»?

— Еще — потому что я до сих пор учусь профессии. Это, наверно, прозвучит нескромно, но мне действительно кажется, что у меня до сих пор остается много сил, нереализованных возможностей.

Уже... Этим чувством я обязан нет-нет да и возникающему ощущению невостребованности. Нынешние руководители страны относятся к культуре весьма своеобразно. Я не хочу быть неправильно понятым: они твердо знают, что Большой театр, Эрмитаж, Третьяковская галерея и бывшая Ленинская библиотека — это хорошо. Об этих учреждениях они в меру сил заботятся. То, что культура — это нечто большее, чем музей, библиотека, театр, до них, к сожалению, пока не доходит... Культура — живое явление: она должна развиваться, должна быть частью повседневной жизни. И вот этого они, судя по их практической деятельности, не понимают.

— Вспомните времена, когда проходило ваше становление как художника. Как это было? Все ли и всецело ли формировалось под давлением «системы»?

— Счастливые времена — 55, 56, 57-й годы... Я до сих пор помню комсомольские собрания в Суриковском институте, помню, как мы изгоняли реакционных и конформистских профессоров. Мы стремились к новому языку в искусстве, к иным формам общения со зрителем. Кончая институт, мы рвались в жизнь, которая не видна была из Москвы. Кто-то поехал в Якутск, кто-то на Камчатку, я с товарищем — на Алтай... Молодежные выставки на Кузнецком мосту были праздниками. Давления мы не чувствовали — молодежь быстро отвыкла от страха. А потом вдруг: ба-бах! — и мы поняли, что все не так просто. «Оттепель» кончилась.

Но дело обстояло не так, как это сейчас пытаются представить. Стоит ли приписывать «шестидесятникам» какую-то особую, в сущности, мифическую роль в жизни культуры и общества? Для кого-то это просто «нас возвышающий обман», для кого-то — оправдание собственной посредственности. Да, я творческий импотент — но моей вины здесь нет, этого требовала система. Впрочем, сие печальное обстоятельство не имеет никакого значения. Я — шестидесятник, и это звучит гордо...

— В прошлом существовала монополия крупных мастеров. Во времена вашей юности звучали (и довели!) имена Коненкова, Томского, Вучетича, Аникушина, Топуридзе... Как удалось прорываться через такую «засеку» к заказам, профессиональному признанию, известности?

— Мне и моему поколению повезло — времена менялись. К тому же среди тех, кого вы называли, были разные люди. К примеру, Н.Томский, у него я заканчивал институт — прекрасный, добрый, славный человек, который любил и поддерживал молодежь. М.Аникушин — замечательный художник, я и сейчас с ним дружу... Вы почему-то не назвали В.Мухомову, С.Лебедеву, И.Слонима, а это тоже большие мастера и отличные люди, которые к нам относились всерьез.

Жизнь сложилась так, что передо мной не было выбора — подличать или нет. Случались, конечно, сложные ситуации, но мне не пришлось делать так, как, скажем, М.Захарову, который сначала «протырился» в КПСС, чтобы стать главным режиссером, а потом перед телекамерой «красиво» сжег свой партбилет. И то, и другое — на мой взгляд, дурно. Мне как-то удалось избежать подобного. Мы не стремились к известности, ни под кого не подлаживались.

— Мы с вами упомянули многих старых мастеров. Кто-то из них еще помнил передвижников, другие — «бубновалетцев», третьи были в дружбе с вождем мирового пролетариата. Четвертые показывали, как можно широко и красиво жить. Это была целая наука, эпизоды которой, полагаю, задержались у вас в памяти?

— Когда я проезжаю мимо «Националя» и «Метрополя» и смотрю на выходящих оттуда миллиардеров, то вспоминаю, как в молодости я, простой скульптор, мог завести туда компанию и властью повеселиться. Я имел возможность прийти утром в кафе «Националь», позавтракать, поглядеть на пьющего свой кофе Н.Акимову, замечательного питерского режиссера. Богатство той жизни, не знавшей нынешнего расслоения, говорило о том, что мы ее хозяева.

— Правда ли, что Н.В.Томский, завершив очередной монумент и получив гонорар, снимал, скажем, Дом архитектора, его ресторан, бильярд и приглашал друзей, учеников, помощников отметить свой очередной успех? Говорят, что он на пари выиграл у знаменитого

Юрий Чернов на выставке своих произведений. Фото Ильи Мордвинкина.

маркера, но потом «в узком кругу» признался, что подкупил его...

— Этой подробности я не помню. Но я знаю, что когда Н.В.Томский набирал бригаду, которая с ним работала над большим монументом, он делил деньги поровну на всех, а ему ничего не оставалось — из своей части он платил налоги и партийные взносы. Из нее же он устраивал банкеты. В итоге мой учитель оставался «на нуле»... Такая уж у него была душа.

— Союз писателей образовался в 1934 году, Союз художников — в 1957 году. Невеселое было время, но мне кажется, что в вас и ваших товарищах — не в пример братьям-писателям — жила какая-то инерция добра, поэзии, надежды. Союз художников долгое время сохранял свою изначально энергию...

— Очевидно, вы забываете о некоторых существенных сторонах деятельности Союза художников. Дело в том, что когда мы в Манеже устраивали всеобщие выставки, в них участвовали все республики. Сегодня некоторые называют те экспозиции тоталитарным торжеством, но, поверьте мне, это было прекрасно. Союз художников СССР создал школу живописи Средней Азии, Киргизии, Казахстана, Туркменистана и т.д. Без Союза они все как-то потерялись.

Как-то я спросил одного известного туркменского скульптора: «Как ты живешь?» Он ответил: «Я живу хорошо, а будем жить еще лучше и лучше». «Где ты был?» — «Я был в Америке, в Париже, в Турции». — «А куда ты хочешь?» — «Я хочу в Москву». В Москве его любили, выставляли, покупали его работы.

Говорят, что сейчас в Москве 180 галерей. Ежедневно открывается 20 выставок. И на каждой из этих выставок — свой стиль, своя «тусовка», своя манера выпивона. В апреле Международный художественный фонд собрался с духом, арендовал в Центральном Доме художника несколько залов и организовал «обычную», такую же, как бывали раньше, выставку, разные художники выставляли по несколько произведений. Вы не поверите, но у многих ее гостей на глазах были слезы. Мы увидели друг друга и выяснили, что живы многие из тех, о ком долго не было слышно, что у нас в России по-прежнему есть интересная живопись, прекрасное прикладное искусство.

— Вы активно работаете, недавно открыли памятник замечательному ракетному конструктору В.Бармину, памятник хоккейному тренеру А.И.Чернышеву. Однако далеко не у всех ваших коллег дела идут так хорошо. Как вы думаете, что нужно сейчас, чтобы

оздоровить, оживить художественную жизнь?

— Что ж, духовность у нас бьет ключом: повсюду строится железобетонный храм Христа Спасителя, открываются сделанные без всенародного (или хотя бы профессионального) обсуждения памятники... Это все, простите, имитация духовной жизни. Или нам показывают каких-то неведомых художников, которых, оказывается, хорошо принял Париж, объясняют, что это и есть ренессанс русского искусства. А в это же самое время мы теряем прекрасную классическую школу, которую всегда оберегали. Что тут можно «оживить»?

А вся нынешняя игра банкиров в меценаты, по-моему, бесплодна. Я с ними сталкивался — это, как правило, удивительно скупые люди.

— Среди книг о вашем творчестве отсутствует альбом, где были бы изображения того, что вы сделали в Москве и Петербурге. Каждый раз это был оригинальный монумент, я изумлялся вашей фантазии и вкусу. Думаю, это связано с тем, что Бог дал вам возможность жить в центре Москвы...

— Я родился в Москве, всю жизнь в ней прожил. Москва для меня — образ мира. Потом я был во многих столицах, но нигде долго жить не мог. Меня всегда огорчала бедность пластика сегодняшнего города, безликость московских улиц. Я и еще несколько скульпторов решили подойти к этим малым объектам по-творчески. И увлеклись...

Одну из первых я сделал мемориальную доску Маршаку, а одну из последних — Чуковскому. Я делал мемориальные доски Райкину, Шостаковичу, Утесову, Орлову, живописцу Чуйкову, отцу моего друга, который приводил нас, шпану, к себе в мастерскую, беседовал с нами как с равными. Это не просто набор имен, а энциклопедия культурной жизни столицы. Когда делаешь памятник, ты кожей ощущаешь, сколько градостроители нагадили. На открытии играет музыка, тебя все поздравляют, а ты пересчитаешь московские потери.

— Надо бы спросить вас о сегодняшней молодежи — да стоит ли? Она и без наших наставлений движется в избранном большинстве направлений — учится торговать. В том числе и на «арт-рынке». А что можно посоветовать таким, как мы с вами, — оставшим «шестидесятникам», которым уже перевалило за шестьдесят?

— У Бориса Леонидовича Пастернака есть грустные строки:

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

Мы должны остаться на этом свете и не предать тех, кого нет. Своим искусством, своими выставками, опытом, некоммерческим отношением к проблемам культуры...

Когда в пылу большевистской антиалкогольной кампании в Молдавии вырубали виноградники, то корчевали лозы, пришедшие вместе с римлянами в Трояновы времена. Прошло время, и они возродились. Хочется верить, что и в российской художественной культуре заложен ген сопротивляемости, что она, наперекор нынешним непрустым временам, сможет выжить.